

ГЛАВА X

«ГЕРМАНИЯ В ТИСКАХ МЕЖДУ ДВУМЯ ФРОНТАМИ»

Начальный этап операции союзников в Нормандии развивался успешно. Уже за первые двое суток на берег высадилось около 250 тыс. солдат. Сказалось большое преимущество англо-американских войск над противником. Для осуществления десантной операции было выделено четыре армии — 39 полностью укомплектованных дивизий, 10 отдельных бронетанковых бригад, в составе 2 876 439 военнослужащих. Войска союзников прикрывали 117 тыс. боевых самолетов, танков и САУ насчитывалось 6 тыс. Для десантирования использовались военно-морские силы, состоявшие из почти 6000 боевых и десантных кораблей — 6 линкоров, 22 крейсера, 80 эсминцев. Превосходство было подавляющим. В июне 1944 г. им противостояло всего 45 не полностью укомплектованных немецких дивизий. Во многих из них были солдаты старших возрастов и подростки, не имевшие необходимой военной подготовки. Немцы располагали очень слабым прикрытием с воздуха. Они имели всего 500 самолетов¹.

И несмотря на эту колоссальную разницу в силах, союзники не смогли быстро развить свой успех. «Гитлер приказал командующим немецкими войсками во Франции удерживать каждую пядь территории, и немецким войскам удавалось почти полтора месяца сдерживать союзные войска там, где они высадились»².

Постепенно большое превосходство союзников начало сказываться. К середине июля немцы потеряли около 160 тыс. человек, и начавшееся генеральное наступление войск Монтгомери, поддержанное мощными ударами с воздуха, увенчалось успехом. Союзники сумели расширить плацдарм и перенести военные действия далеко за реку Орн³.

Сталин с большим вниманием следил за успехами англо-американских войск в Европе. Он поздравил Черчилля 5 июня 1944 г.

со взятием Рима⁴. Премьер-министр с иронией отнесся к этому поздравлению. Черчилль писал в мемуарах: «Я получил даже одобрение от медведя (Сталина. — *Р.И.*)».

Исключительно высоко оценивал значение взятия Рима Рузвельт. 5 июня 1944 г., выступая по радио, президент сказал: «Друзья мои, вчера, 4 июня 1944 года, Рим сдался американским и союзным войскам. Первая из столиц оси в наших руках. Осталось еще две!»⁵⁻⁶

Как указывалось, советский Главнокомандующий отметил исключительное значение операции союзников в Северной Франции. «Сталин, который изо дня в день следил за нашими успехами, — писал Черчилль, — ...прислал «поздравления по поводу новой блестящей победы английских вооруженных сил, освободивших город Кан»⁷.

Сталин был скуп на похвалу. И если он писал о «блестящей победе», то это была действительно высшая оценка крупного военного авторитета.

Однако все познается в сравнении. На фоне мощного летнего наступления Красной Армии операции союзников не выглядели сколь-нибудь убедительно.

Черчилль на двух страницах своих мемуаров восторженно рассказывал о важнейших операциях Красной Армии в июне — сентябре 1944 г. и резюмировал: «Летняя кампания русских была эпопеей блестящих успехов»⁸.

28 июля 1944 г. союзники начали во Франции мощное наступление, завершившееся тяжелым поражением немецких вооруженных сил. Черчилль явно воспрянул духом. 18 августа 1944 г. он писал Рузвельту: «В результате славных и колоссальных побед, одерживаемых во Франции американскими и британскими войсками, положение в Европе сильно меняется, и вполне возможно, что наши армии добьются в Нормандии победы, значительно превосходящей по масштабам все, что сделали в какой-либо отдельный момент русские»⁹.

Премьер-министр явно переоценивал успехи союзного оружия и принижал достижения Красной Армии, которая и после высадки англо-американских войск продолжала борьбу с подавляющим числом немецких дивизий.

В этом же послании Черчилль предлагал Рузвельту использовать успех англо-американских войск во Франции для оказания политического давления на Сталина в связи с восстанием в Варшаве.

По команде польского правительства в Лондоне, без согласования с советским командованием подпольные силы в Варшаве, ориентировавшиеся на польское правительство в эмиграции, под-

няли 1 августа 1944 г. восстание в столице Польши. Политическая цель этой авантюры была очевидна — захватить Варшаву и тем самым создать плацдарм для водворения лондонских поляков в столице страны в качестве польского правительства.

Возникла очень сложная, трагическая ситуация. С одной стороны, оказание помощи восставшим означало внедрение в сердце Польши сил, антисоветская направленность всей деятельности которых была очевидна. С другой — не оказать помощь восставшим значило обречь на уничтожение многие тысячи рядовых повстанцев и граждан Варшавы.

Черчилль и Рузвельт в августе 1944 г. неоднократно обращались к Сталину с настойчивыми просьбами оказать срочную помощь восставшим.

22 августа 1944 г. Сталин ответил Рузвельту и Черчиллю. В послании двум лидерам он писал: «Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию». Сталин заверял Рузвельта и Черчилля, что «Красная Армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков. Это будет лучшая и действительная помощь полякам-антинацистам»¹⁰.

В связи с отказом Сталина поддержать просьбу союзников об оказании немедленной и эффективной помощи варшавскому восстанию Черчилль писал Рузвельту 18 августа 1944 г., что отказ Советов разрешить авиации США направить помощь героическим повстанцам в Варшаве наряду с их собственным полным нежеланием доставить по воздуху боеприпасы на расстояние всего лишь в несколько десятков миль — момент, чреватый очень серьезными и далеко идущими последствиями. Если, как это почти не подлежит сомнению, после триумфа немцев в Варшаве начнется массовая бойня, то нет такой меры, которой можно было бы измерить все последствия этого. «Я, — писал Черчилль, — готов послать личную телеграмму Сталину, если Вы сочтете это разумным и если Вы сами пошлете аналогичное послание.

Гораздо лучше двух отдельных посланий было бы совместное послание, подписанное нами обоими. Я не сомневаюсь, что о формулировке мы могли бы договориться»¹¹.

В связи с варшавским восстанием Черчилль пытался разговаривать со Сталиным языком ультиматума. Подобные попытки были бесполезны даже вовремя таких трудных для СССР ситуаций, как наступления немцев под Москвой и под Сталинградом. Они были

совершенно бесперспективны в августе 1944 г., в период триумфальных побед Красной Армии.

Польский вопрос имел для Черчилля исключительно важное значение, и естественно, что он сделал максимум возможного, чтобы добиться от Сталина если не выполнения своей программы — переселить польское эмигрантское правительство из Лондона в Варшаву, то хотя бы достигнуть какого-то компромиссного решения этой проблемы. Разумеется, в мемуарах Черчилля польская проблематика заняла очень значительное место.

Черчилль приводит в мемуарах текст своего послания Сталину от 4 августа 1944 г., в котором он убеждал Сталина оказать помощь варшавскому восстанию¹². Сталин ответил Черчиллю незамедлительно. Советский Главнокомандующий писал: «Думаю, что сообщенная Вам информация поляков сильно преувеличена и не внушает доверия... Краевая Армия поляков (поднявшая восстание в Варшаве. — *Р.И.*) состоит из нескольких отрядов, которые неправильно называют дивизиями. У них нет ни артиллерии, ни авиации, ни танков. Я не представляю, как подобные отряды могут взять Варшаву, на оборону которой немцы, выставили четыре танковые дивизии, в том числе дивизию “Герман Геринг”¹³.

30 июля 1944 г. в Москву прибыл премьер-министр польского эмиграционного правительства в Лондоне Станислав Миколайчик. Дата его прибытия в Москву была не случайной — 1 августа началось восстание в Варшаве. Надеясь на успех этого восстания, Миколайчик на переговорах со Сталиным и с руководителями Польского комитета национального освобождения (ПКНО), осуществлявшего исполнительную власть в освобожденных Красной Армией районах Польши, потребовал для себя и своих сторонников главных постов в будущем коалиционном правительстве Польши. Подобное решение польской проблемы было неприемлемо ни для ПКНО, ни для советского правительства. Черчилль в деталях рассказывал, как Миколайчик торговался со Сталиным по вопросу о своих позициях. Торговля оказалась бесполезной. «Последняя бесплодная беседа со Сталиным, — писал Черчилль, — состоялась 9 августа»¹⁴.

В интерпретации Черчилля советский Главнокомандующий выглядел хладнокровным, расчетливым политиком, который, добиваясь выгодного ему решения польской проблемы, преднамеренно бросил на произвол судьбы восставших варшавян.

Черчилль приводил в мемуарах свою телеграмму Идену, которую он отправил министру иностранных дел Великобритании 14 августа 1944 г. из Италии, куда он направился посетить английскую армию Александера. В телеграмме говорилось: «Безусловно, весьма

любопытно, что в момент, когда восстал подпольная армия, русские армии приостановили свое наступление на Варшаву и отступили на некоторое расстояние»¹⁵.

В действительности войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов, действовавшие на Варшавском направлении, наступали с 23 июня и прошли с тяжелыми боями более 500 км, понеся значительные потери. Немедленно перейти в новое наступление ослабленные тяжелыми боями войска не могли.

Изложив эти соображения, автор комментария к соответствующему разделу мемуаров Черчилля А.С. Орлов писал: «Исследование причин, препятствовавших оказанию помощи Варшаве, продолжается»¹⁶.

С конца августа, прекратив наступление на всех других направлениях. Ставка приказала 1-му и 2-му Белорусским фронтам пробиться к Варшаве. 14 сентября после тяжелых боев советские войска овладели предместьем Варшавы Прагой. В ночь на 16 сентября советские войска и 1-я Польская армия форсировали Вислу, но не смогли удержать захваченные на западном берегу реки плацдармы. Пробиться к повстанцам не удалось. 2 октября 1944 г. восстание было подавлено.

О попытках Красной Армии прорваться к восставшим, отражающих действительное отношение советского командования, лично Сталина к восстанию в Варшаве, Черчилль ничего не упоминает.

Однако он не жалел красок, описывая руководителей ПКНО и позицию Сталина по вопросу формирования польского правительства. Эта проблема в деталях обсуждалась в Москве 13 октября, куда Черчилль прибыл для обсуждения со Сталиным ряда важных военных и политических проблем и где присутствовал также Миколайчик. Черчилль вспоминал: «Скоро стало ясно, что люблинские поляки — просто пешки России. Они так тщательно выучили и затвердили свою роль, что даже их хозяева, видимо, считали, что они перерабатывают». В подтверждение своей оценки Черчилль приводил заявление руководителя ПКНО Болеслава Берута: «Мы явились сюда с целью потребовать от имени Польши, чтобы Львов принадлежал России. Такова воля польского народа». Когда эти слова перевели с польского на английский и русский языки, я взглянул на Сталина и увидел промелькнувшее в его выразительных глазах понимание, как если бы он хотел спросить: «Ну, что вы скажете о нашей советской выучке?» Столь же резко негативную оценку Черчилль давал наступлению и другому польскому руководителю Осубка-Моравского¹⁷.

Сталин обладал достаточным чувством меры и чувством юмора, чтобы не восторгаться заявлением Берута о Львове, если эти

слова и были сказаны. Черчилль в данном случае явно пытался представить советского лидера как примитивного политика, не проявившего адекватной реакции на это заявление руководителя ПКНО.

Черчилль писал мемуары спустя достаточно много лет после этой дискуссии со Сталиным по вопросу о составе польского правительства, но он все еще не мог скрыть своего резкого раздражения и против руководителей ПКНО, и против Сталина. Возвращаясь к оценке Берута и Осубка-Моравского, Черчилль писал: «...Я сказал Сталину», что они были «лишь выразителями советской воли»... своего рода Квислингами»¹⁸. Миколайчик и другие польские министры-эмигранты, очевидно, были для Черчилля воплощением демократии, интеллигентности и порядочности.

Все это были пока еще авангардные бои между Сталиным и Черчиллем по польскому вопросу. Впереди были настоящие политические, сражения по этой проблеме, в частности, на Крымской конференции, при решении вопроса о том, кому представлять Польшу в ООН, на Потсдамской конференции и по другим вопросам, связанным с польской проблемой.

Рузвельт занимал более сдержанную позицию по польской проблеме, о чем, в частности, свидетельствует его переписка с Черчиллем. Во многом это объяснялось тем, что в ноябре 1944 г. он в четвертый раз подряд баллотировался в президенты США. В Соединенных Штатах многочисленная и влиятельная польская диаспора, и президенту надо было быть предельно осторожным, не ввязываться со Сталиным в какие-либо дискуссии по польскому вопросу, чтобы не создать себе проблем на выборах.

Играло свою роль, конечно, и стремление Рузвельта не только по польскому, но и по другим вопросам занять в определенной мере позицию посредника, арбитра в спорах между Сталиным и Черчиллем. Это во многом президенту удавалось, что позволяло несколько балансировать ситуацию в Большой тройке, не позволять ей выйти из-под контроля.

Что же касается американской официальной точки зрения по польскому вопросу, то она была четко сформулирована в послании из Москвы Аверелла Гарримана Гарри Гопкинсу 10 сентября 1944 года: «Сейчас, — говорилось в этом документе, — когда уже просматривается завершение войны, наши отношения с Советами принимают поразительный поворот, обозначившийся в течение последних двух месяцев. Просьбы США игнорируются с полным безразличием к нашим интересам. Советы демонстрируют полное нежелание обсуждать острые проблемы». В качестве примеров Гарриман приводил отказ советской стороны оказать содействие в пере-

правке американских грузовиков для ВВС США в Китае, отказ генералу Икерсу посетить Плоэшти, чтобы определить результаты бомбардировок этого города американской авиацией. «Игнорирование Советами международного мнения относительно их жесткой политики по отношению к Польше и безжалостного отношения к восстанию в Варшаве особенно убедительно проявились в заявлении Молотова о том, что Советы будут судить о своих друзьях на основании того, насколько они поддержат советскую позицию. Несмотря на обещания Сталина, ничего не было сделано по главным вопросам планирования. И это только некоторые примеры»¹⁹.

Упреки Гарримана в адрес Советского Союза и лично Сталина во многом были несостоятельны. Очевидно, в частности, что не только русские, но и американцы судили о своих друзьях, соображаясь с тем, как эти друзья к ним относились.

Трудно согласиться и с оценкой посла США в СССР позиции Сталина, Советского Союза по польскому вопросу. Во всяком случае, президент Рузвельт в вышеприведенном его письме к Черчиллю давал иную, чем Гарриман, интерпретацию отношения Сталина к польской проблеме, в частности, к вопросу о формировании правительства этой страны.

Консервативные круги американской общественности полностью разделяли официальную точку зрения США о необходимости заставить Советский Союз изменить свой политический курс не только в Польше, но и в других странах Восточной Европы. Это нашло свое отражение в ходе избирательной кампании 1944 г. в США, которая вскрыла в очередной раз мощные корни антисоветизма и антикоммунизма в американской политике. В октябре 1944 г. католический орган «Католик уорлд» писал: «Величайшая потенциальная угроза прочному миру — это Советский Союз. Фашизм не является и никогда не был столь опасен для мира, как коммунизм». Ведущее периодическое издание фермеров «Фарм джорнэл энд фармз вайф» заявляло: «У коммунизма нет морали. Коммунизм — признанный враг свободы человека и его прав на собственность»²⁰.

Во всех подобных выступлениях четко прослеживалось предложение консервативных кругов общественности США выступить на выборах 7 ноября 1944 г. против курса Рузвельта на продолжение сотрудничества с СССР в борьбе с общим врагом.

Стремясь скомпрометировать Рузвельта, консервативные круги США упрекали его в том, что он установил, на их взгляд, чрезмерно доверительные отношения со Сталиным. В частности, осуждалась положительная оценка президентом проведенных в СССР по инициативе советского лидера позитивных изменений в сфере религии.

Опросы населения показывали определенные новые нюансы в настроениях общественности, однако каких-либо коренных изменений в поведении широких масс американцев в отношении Советского Союза не отмечалось.

Детали дебатов между Сталиным и Черчиллем по польскому вопросу, подробности других спорных проблем между СССР и его союзниками не были достоянием гласности. Но скрыть их полностью было невозможно, и антисоветски, антисталински настроенные силы в союзных странах всемерно старались использовать эти противоречия для дискредитации советской политики и лично Сталина.

Пресса самой различной ориентации проявляла интерес не только к внешнеполитической деятельности Сталина, но и к его внутренней политике, в частности, к отношениям советского руководителя с другими советскими лидерами.

9 октября 1944 г. в шведском журнале «Обс» была помещена статья за подписью Петера Пауля «Сталинский молот — лучший бухгалтер Москвы. Человек, который выжил, — Молотов». В статье говорилось, что с 1939 года Молотов непрерывно находится в центре мировых политических проблем. Его имя неразрывно связано с такими событиями, как заключение русско-германского пакта, раздел Польши, война с Финляндией, мирный договор с этой страной, аннексия Прибалтики и Бессарабии, немецко-русские переговоры в Берлине в 1940 году и, наконец, война между Германией и СССР со всеми ее последствиями. Недавно, говорилось в статье, он заключил суровые договоры о перемирии с Румынией и Финляндией. Под угрозой войны он принудил «нейтральную» Болгарию к полному подчинению русским условиям.

Что касается договоров о перемирии с Румынией и Финляндией, то шведский журнал явно передергивал факты. Вся международная общественность обратила внимание на то, что по инициативе Сталина эти договоры были заключены на очень благоприятных условиях для капитулировавших союзников Германии.

Молотов, говорилось в статье, является виднейшим представителем традиционных элементов русской внешней политики, от которой будет зависеть участь Северной, Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы, а может быть, и всего Запада.

Как мог этот человек, который был относительно неизвестен еще пять лет тому назад и который уже тогда был верным слугой большевистской партии, внезапно занять такое высокое положение? Отвечая на этот вопрос, автор подробно излагал жизненный путь Молотова. В статье говорилось, что из старой ленинской гвардии Молотов является, кроме Сталина, вероятно единственным

человеком, который все время находился в центральном аппарате партии и выжил.

Фамилия Молотова происходит от слова «молот». Нужно сказать, что фамилия была выбрана им довольно удачно. Уже будучи молодым революционером, Молотов отличался твердостью и энергичностью. Когда он познакомился со Сталиным и стал его близким другом, была заложена основа отношений, существующих между ними в наши дни. Твердый и неумолимо энергичный, но несамостоятельный, Молотов с самого начала почувствовал, что он нуждается в руководителе, и предоставил свои услуги в распоряжение Сталина. Благодаря этому решению он заложил основу своей будущей карьеры и спас свою жизнь.

«Хитрый, беспощадный и необычайно ловкий политический тактик Сталин, который ясно сознавал свои цели и решил добиваться их любой ценой, нуждался в таком сотруднике. Молотов всегда был верным, лояльным и надежным помощником Сталина».

В 1921 году, по предложению Сталина, он был избран в ЦК компартии. Говорят, что Ленин комментировал инициативу Сталина следующими словами: «Почему именно его? Хороший, но вялый и скучный человек. Если ты хочешь этого, то пускай его выбирают, но не понимаю почему. По-моему, он лучший бухгалтер в Москве».

В 1922 году Молотов был назначен Генеральным секретарем компартии СССР. Это было решающее испытание его лояльности по отношению к Сталину. Молотов мог воспользоваться этим для консолидации своей собственной власти. В следующем году его сменил Сталин, который вскоре превратил эту должность в самую влиятельную в партии и, следовательно, в Советском Союзе. Молотову пришлось довольствоваться должностью заместителя секретаря. После расправы с Троцким он стал членом могущественного Политбюро. После уничтожения Зиновьева и Каменева его назначили Председателем Совнаркома, который формально является правительством СССР.

В связи с этим назначением он выступил с маленькой характерной речью, в которой сказал, что прошел «школу большевистской работы под руководством лучшего ученика Ленина — товарища Сталина» и что он «этим гордится». Благодаря тому, что Молотов подчинился «руководству товарища Сталина» и «этим гордился», он достиг почетнейших должностей в СССР. Автор подчеркивал, что если бы этот человек был умным, самостоятельным и способным к проявлению собственной инициативы, его постигла бы та же участь, что и видных деятелей партии — Троцкого, Зиновьева, Бухарина и Радека.

Его счастье в том, что он является интеллектуально-средним, несамостоятельным, работающим, энергичным и хорошо дисциплинированным человеком, который эффективно, как машина, совершенно не интересуясь посторонними делами, выполняет поручения своего начальника Сталина. Этим объясняется загадка, заключающаяся в том, что он пережил не только жесточайшую борьбу 20-х годов, но и кровавые 30-е годы. Это объясняет также тот факт, что, когда Сталин в 1939 году захотел взять в свои руки личное руководство внешней политикой СССР при помощи послушного посредника, его выбор остановился на Молотове, который не имел тогда никакого внешнеполитического опыта.

Очевидно, он был единственным человеком старой гвардии, говорилось в статье, который обладал достаточно незначительным умом, достаточной эффективностью и был достаточно преданным для того, чтобы «остаться одним из ближайших сотрудников красного царя. Таким образом, Молотов выступил на мировой арене в качестве верного представителя взглядов Сталина на проблемы русской внешней политики. Во время теперешней мировой войны ни одна великая держава не формулировала свои цели так ясно и не стремилась к ним так непоколебимо, как СССР. Комбинация расчетливого ума Сталина и деятельности Молотова праздновала свой триумф. Молотов был движущей силой блестящей сталинской политики, путем которой СССР совершенно независимо от Атлантической хартии, к которой он присоединился, применяя поочередно дипломатические и военные средства, распространил свое влияние на Европейский континент, на Балканах, в Италии, у де Голля, на внутреннем фронте в Германии, в Прибалтике, в Финляндии. В результате этой политики Россия достигла небывалой в ее истории власти».

С точки зрения своей страны, отмечал автор, Молотов может гордиться той ролью, которую он сыграл, даже если это была только роль послушного и эффективного орудия. Известно также, что он действительно гордится этой ролью. Этот невзрачный человек с внешностью опустившегося провинциального учителя, в пенсне, со своими грязно-желтыми усами и плохо сидящими костюмами, обладает большой самоуверенностью. Говорят, правда, что в присутствии Сталина самоуверенность Молотова исчезает, что он молчит, как школьник, и следит за устами своего учителя, прерывая молчание только для того, чтобы повторять его слова или согласиться с его заявлениями. «Но когда Молотов сам выступает в качестве представителя своей громадной страны, он не страдает робостью, и это подтверждают все политики, которые имели сомнительное удовольствие вести с ним переговоры. Его надменность,

ядовитая ирония, беспощадность и непреклонная требовательность общеизвестны. Но основой самоуверенности Молотова не является его личность. Эта самоуверенность является скорее выражением его гордости тем, что он является орудием великой России»²¹.

Приведенная статья — типичный образец публикаций в союзных и нейтральных странах, в которых рассказывалось о формах и методах работы Сталина, о подборе им руководящих кадров. В таких публикациях, как правило, подчеркивалось, что важнейшие проблемы внутренней и внешней политики решал Сталин. Все остальные руководители страны, даже высшего ранга, были только послушными исполнителями его воли.

Статья в шведском журнале о Молотове показательна и с другой точки зрения. По большому счету Сталин был для Запада в принципе фигурой нон грата. Причем это было характерно для самого широкого политического спектра зарубежных стран. Давать резко критические оценки советскому руководителю в период его военного и политического триумфа, когда Красная Армия выступала как освободительница Европы от коричневой чумы фашизма, было политически рискованно. Такая позиция не была бы понята и поддержана широкой общественностью, народными массами. Во всяком случае, она не приносила политических и морально-психологических дивидендов.

Резко критическая статья о Молотове была типичным политическим обходным маневром. Молотов, бесспорно, был фигурой № 2 в советском руководстве. И, давая столь резко негативную оценку его деятельности, интеллектуального потенциала и даже внешности, автор как бы подводил читателя к выводу: если главный соратник Сталина собрал в себе столь многочисленные негативные качества, то приходите к логическому умозаключению что же представляет из себя его хозяин.

Статья о Молотове была составной частью кампании дискредитации Сталина, которая к концу войны набирала все большие обороты. Однако эта кампания не давала результата, на который рассчитывали ее инициаторы. Советский Союз вносил решающий вклад в разгром общего врага, являлся освободителем стран Европы от фашизма, и в этих условиях авторитет Сталина не могли подорвать никакие пропагандистские кампании.

С точки зрения оценки Сталина как политического и государственного деятеля показательна характеристика, которую ему давали руководители коммунистических партий, имевшие возможность встречаться и обсуждать с ним различные военные и политические вопросы.

С этой точки зрения несомненный интерес представляют воспоминания одного из руководителей коммунистической партии Югославии Джиласа, который в 1944 г. трижды встречался со Сталиным. Позднее в своей мемуарной работе Джилас дал яркую, запоминающуюся характеристику Сталина, его методов работы, отношений с соратниками.

Джилас был одним из ближайших доверенных лиц югославского руководителя И. Тито. В феврале 1944 г. в Югославию прибыла советская военная миссия для координации советско-югославского военного сотрудничества. Югославскую военную миссию в СССР возглавил Милован Джилас.

Первое впечатление всегда наиболее запоминающееся, и, очевидно, поэтому Джилас подробно описывал впечатление, которое на него произвел советский руководитель во время их первой встречи.

Сталин, вспоминая Джиласа, был в маршальской форме и мягких сапогах, без всяких медалей, за исключением Золотой Звезды Героя Социалистического Труда на левой стороне груди. В его поведении ничего не было искусственного или показного. Это был не тот величественный Сталин, каким его изображали на портретах или в кинохронике, — натянутый, нарочито приукрашенный и позирующий. Он не оставался спокойным ни на минуту. Сталин играл своей трубкой с белыми крапинками, сделанной английской фирмой «Данхилл», или чертил круги синим карандашом вокруг слов, определяющих основную нить беседы, которые он затем перечеркивал наискось по мере того, как каждый раздел беседы подходил к концу; при этом он поворачивал голову то туда, то сюда и одновременно беспокойно ерзал на стуле.

Меня, писал Джилас, поразило также и еще кое-что: он был очень маленького роста и нескладного сложения. Его корпус был короткий и узок, в то время как руки и ноги слишком длинные. Его левая кисть и плечо казались одеревеневшими. У него был довольно большой живот, а волосы реденькие, хотя он и не был по-настоящему лысым. Лицо у него было белое с коричневато-красными щеками. Позднее я узнал, что такой цвет лица характерен для тех, кто проводит много времени в кабинетах, и в высших кругах советских служащих был известен под названием «кремлевского цвета лица». Зубы у него были черные и неровные, наклоненные внутрь. Даже его усы не были густыми и жесткими. Тем не менее его голова не казалась безобразной, в ней было что-то народное, крестьянское, нечто патриархальное — при этом в желтых глазах смешивались решительность и грубоватость.

Меня поразило также его акцент. Каждый мог сказать, что он не русский. Тем не менее его русский словарь был богат, и манера выражаться очень живая и пластичная, изобилующая русскими поговорами и поговорками. Как выяснилось позднее, Сталин хорошо знал русскую литературу — хотя только русскую, — однако единственными и настоящими знаниями, за пределами русского языка, у него были знания в области политической истории.

Одно меня не удивило: Сталин обладал чувством юмора — грубого юмора, самоуверенного, но не лишеного полностью тонкости и глубины. Его реакция была быстрой и острой — и безапелляционной, что вовсе не означало, что он не выслушивал говорящего, но была очевидна его враждебность к длинным объяснениям. Примечательным было также его отношение к Молотову. Он, несомненно, считал Молотова своим очень близким сотрудником, в чем я убедился позднее. Молотов был единственным членом Политбюро, к которому Сталин обращался фамильярно на «ты», что имело особый смысл, если иметь в виду, что даже среди близких друзей у русских принята вежливая форма обращения на «вы».

Когда я упомянул о займе в двести тысяч долларов, он назвал это мелочью, сказав, что мы не сможем сделать многого с такой суммой, но что она будет ассигнована нам немедленно. На мое замечание о том, что мы выплатим эти деньги, так же как и стоимость предоставляемого нам вооружения и снаряжения после освобождения, он искренне рассердился: «Вы оскорбляете меня. Вы проливаете свою кровь и предполагаете, что я буду взимать с вас за вооружение! Я не торговец, мы не торговцы. Вы боретесь за то же самое дело, что и мы. Наша святая обязанность — поделиться с вами всем, что у нас есть».

Но как доставить помощь?

Было решено просить западных союзников о создании советской воздушной базы в Италии, с помощью которой можно было бы помочь югославским партизанам. «Попытаемся, — сказал Сталин. — Посмотрим, каково будет отношение Запада и насколько далеко готовы они пойти в деле оказания помощи Тито»²².

Сталин проявил интерес к семейной жизни югославского короля Петра II, он спросил Джиласа на ком женат король. Джилас ответил, что Петр II взял в жены греческую принцессу. Сталин повернулся к Молотову и, рассмеявшись, сказал: «Что бы было, Вячеслав Михайлович, если бы ты или я женились на какой-нибудь иностранной принцессе? Может быть, из этого и вышло бы что-нибудь хорошее».

Первая встреча Джиласа со Сталиным состоялась в Кремле. Очевидно, Сталин остался доволен своим югославским гостем, так

как на следующий раз он пригласил его на обед на дачу в Кунцево. Это был знак особого расположения — на такие встречи Сталин приглашал только самых близких своих соратников.

Речь зашла об отношениях югославов с союзниками, прежде всего с англичанами.

«Сущность предложений Сталина заключалась, с одной стороны, в том, что мы не должны “запугивать” англичан, под этим он подразумевал необходимость избегать всего того, что могло бы обеспокоить их и заставить подумать, что в Югославии происходит революция и коммунисты пытаются установить свой контроль над ней. “Что Вы хотите доказать красными звездочками на ваших фуражках? Важна не форма, а то, что достигается, а вы — красные звездочки! Ей-богу, звездочки никому не нужны!” — сердито воскликнул Сталин».

Я объяснил ему: “Нельзя прекратить ношение красных звездочек потому, что они уже стали традиционными и приобрели определенный смысл среди наших бойцов”²³.

Отстаивая свою позицию, но без чрезмерной настойчивости, он перешел к отношениям с западными союзниками, но в другом аспекте, и продолжал: “Может быть, вы думаете, что раз мы союзники с англичанами, мы забыли, кто они такие и кто такой Черчилль? Для них нет ничего приятнее, как обмануть своих союзников. Во время Первой мировой войны они постоянно обманывали русских и французов. А Черчилль? Черчилль относится к тем людям, которые, стоит вам зазеваться, тут же залезут к вам в карман из-за копейки. Да, да, копейки! Ей-богу, из-за копейки ползут к вам в карман! А Рузвельт? Рузвельт не такой, он запускает руку только за крупными монетами. А Черчилль, Черчилль — даже за копейкой ползет”.

Он подчеркнул несколько раз, что мы должны остерегаться «Интеллидженс сервис» и двуличия англичан и особенно опасаться за жизнь Тито. «Это они убили генерала Сикорского в самолете, а потом ловко сбили самолет — ни доказательств, ни свидетелей!»²⁴.

Затем Сталин перешел к отношениям с югославским королевским правительством. Новым королевским полномочным представителем был д-р Иван Шубашич, который обещал урегулировать отношения с Тито и признать народно-освободительную армию в качестве главной силы в борьбе против оккупации. Сталин настаивал: «Не отказывайтесь от переговоров с Шубашичем — ни в коем случае не делайте этого. Не нападайте на него сразу. Посмотрим, чего он хочет. Ведите переговоры с ним. Вас нельзя признать сразу. Нужно найти какой-то переход к этому. Вам нужно вести переговоры с Шубашичем и выяснить, нельзя ли как-нибудь достигнуть компромисса».

Джилас передал эти рекомендации Тито, и, очевидно, по мнению Джиласа, это сыграло свою роль в известном соглашении Тито о сотрудничестве с Шубашичем²⁵.

В течение вечера, вспоминая Джилас, принесли две депеши: Сталин дал мне прочитать обе.

В одной говорилось о том, что сказал Шубашич госдепартаменту Соединенных Штатов. Позиция Шубашича была такова: мы, югославы, не можем быть против Советского Союза, так же как не можем проводить антирусскую политику, потому что славянские и прорусские традиции среди нас очень сильны.

По этому поводу Сталин заметил: «Этим Шубашич запугивает американцев. А почему он запугивает их? Да, запугивает их! Но почему, почему?»

И затем он добавил, возможно, заметив удивление на моем лице: «Они перехватывают наши депеши, а мы перехватываем их депеши».

Вторая депеша была от Черчилля. Он сообщал, что высадка войск во Франции начнется на следующий день. Сталин стал высмеивать эту депешу: «Да, высадка состоится, если не будет тумана. До сих пор всегда что-нибудь мешало. Подозреваю, что и завтра что-нибудь случится. Что, если они повстречаются с немцами! Тогда высадки может и не быть, а останутся, как обычно, одни обещания!»

Запинаясь и мямля, что было для него характерным, Молотов начал объяснять: «Нет, на этот раз будет в действительности так».

У меня создалось впечатление, что Сталин серьезно не сомневался относительно высадки войск союзников, а хотел высмеять ее, особенно поводы для предшествовавших ей оттяжек²⁶.

Авторитет Сталина в мировом масштабе, несмотря на обострение отношений с союзниками, укреплялся по мере приближения окончания войны в Европе. Складывалась совершенно новая расстановка сил не только на Европейском континенте, но и в мировом масштабе. И в центре этих событий стояла фигура Сталина, что заставляло и его сторонников, и противников пытаться понять причины стремительного возвышения авторитета и влияния советского руководителя.

Реакция других членов Большой тройки на быстрый рост авторитета Сталина на международной арене была отнюдь не позитивной. И дело, конечно, было не в какой-то зависти, повышенной амбициозности Черчилля и Рузвельта. Каждый из них внес свой большой личный вклад в общее дело победы и заслужил позитивную оценку современников и потомков.

Вопрос был в другом. Сталин становился символом советской победы над фашизмом, освобождения оккупированных Германией

европейских стран. Рост авторитета советского руководителя был равнозначен укреплению международных позиций Советского Союза, перегруппировке сил в геополитическом масштабе в пользу СССР. Реакция Черчилля и Рузвельта на этот процесс не могла быть положительной.

Чтобы правильно ответить на вопрос, в чем были причины быстрого роста авторитета и влияния советского лидера, необходимо было не только анализировать текущие военно-политические проблемы и роль Сталина в их развитии. Ответы на многие вопросы можно было получить и обращаясь к предвоенной истории Советского государства.

Борьба Сталина с Троцким являлась важнейшим фактором его становления и укрепления как руководителя партии и государства с фактически неограниченными полномочиями. И естественно, что в серьезных трудах, таких, как книга Э. Людвига «Сталин», и в журналистских статьях авторы и на завершающем этапе войны нередко возвращались к анализу борьбы между Сталиным и Троцким за влияние и власть в партии и в государстве.

5 декабря 1944 г. в сообщении из Парижа говорилось о том, что в газете «Франс суар» опубликована статья Люсиани: «Сталин был прав в отношении Троцкого».

Заявляя, что причины этой борьбы «носили не только личный характер», Люсиани отмечал, что «соперничество за власть между ними было одновременно и столкновением двух тактик».

Противопоставляя «интернационализм» Троцкого «национализму» Сталина, автор считал основной заслугой Сталина то, что он создал Советский Союз, не превратив Европу в коммунистическую, и что он привел Красную Армию к победе, не вызвав революции в лагере врага. В этом Люсиани видел справедливость взглядов Сталина и ошибки в воззрениях Троцкого. Автор характеризовал Троцкого как «второго великого русского революционера» и заявлял, что в своем завещании Ленин подчеркивал: «Отношения между Троцким и Сталиным составляют основную долю опасности раскола».

По этому поводу Люсиани писал: «Ленин предвидел правильно. Это великое соперничество доминировало во всей истории Советского Союза после его смерти». Автор подчеркивал, что «историк будущего со скептической улыбкой отвергнет взаимные (Сталина и Троцкого. — Р.И.) обвинения в измене»²⁷.

В этой публикации и в многочисленных аналогичных выступлениях зарубежной печати отмечалось, что история подтвердила правоту Сталина в борьбе с Троцким. И один из величайших аргумен-

тов в пользу такого вывода — успешный для Советского Союза ход войны с Германией, в чем велика заслуга Сталина. Подобная постановка вопроса была естественна в условиях эйфории, связанной с приближавшейся победой над фашистской Германией и ее сателлитами.

Советские представительства в союзных и дружественных странах стремились переводить, распространять и всемерно популяризировать выступления Сталина. Впрочем, аналогичную работу проводили в Советском Союзе и посольства зарубежных стран. Так, например, посольство Великобритании издавало в Москве в виде брошюр важнейшие речи У. Черчилля.

С переводами работ Сталина за рубежом иногда случались накладки. 7 октября 1944 г. Председатель правления ВОКС В. Кеменов писал заместителю наркома внешней торговли М.Р. Кузьмину, что уполномоченный ВОКС в Турции организовал в 1943 г. издание в Анкаре на турецком языке книги И.В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза».

При ознакомлении в Москве с текстом книги были обнаружены ошибки и неточности в ее переводе. В частности, заглавие книги вместо «О Великой Отечественной войне Советского Союза» было переведено — «О Великой Отечественной оборонительной войне Советского Союза». В докладе о 25-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции 6 ноября 1942 г. Сталин, касаясь второго фронта в Европе, говорил: «И он будет не только потому, что он нужен нам, но и прежде всего потому что он не менее нужен нашим союзникам, чем нам». Турецкий текст гласил: «И он будет открыт не только потому; что он нужен нам, но и прежде всего потому, что он более чем нам нужен нашим союзникам».

В связи с ошибками, допущенными в переводе книги Сталина, было проведено доскональное расследование с целью наказания виновных²⁸.

Соответствующая реакция в Москве на ошибки в переводе книги Сталина легко объяснима. Любая ошибка в переводе работ авторов такого ранга может иметь серьезные политические и дипломатические последствия. Это было особенно очевидно в условиях такого тяжелейшего военно-политического кризиса, который мир переживал в то время.

Помимо этого, надо учитывать и чисто личностный момент. Сталин был высоко организованным, пунктуальным человеком. Свои мысли он выражал четкими, глубоко продуманными формулировками, не терпел поверхностного взгляда на серьезные проблемы,

не прощал ошибок. В силу этих особенностей своей природы он мог самым резким образом отреагировать на ошибки, допущенные при переводе его книги. А гнев всемогущего властелина был страшен.

Руководитель ВОКСа Кеменов был инициатором перевода книги Сталина в Турции, он должен был нести всю полноту ответственности за ошибки, допущенные при турецком издании работы вождя. Председатель правления ВОКСа явно перестраховывался, поднимая вопрос о поисках виновного при переводе книги Сталина.

Немецкая пропаганда и антисоветские круги в союзных СССР странах пытались получить максимум пропагандистского эффекта из факта пленения сына Сталина Якова.

Однако Яков Джугашвили не давал своим поведением в плену никаких оснований для этого.

4 октября 1944 г. обозреватель английской газеты «Ивнинг стандарт» писал: «Я получил из Рима первые подробные сведения о встрече Геринга с сыном Сталина Яковом. Судя по этим сведениям, это — военнопленный, который имеет лучшие возможности быть обмененным, но ни он, ни его отец не поддаются чувству, если немцы решат использовать его как одного из членов важной группы заложников — королевских и политических, — которые в настоящее время находятся в их руках».

Газета давала обоснованную постановку вопроса. Была предпринята попытка по линии международного Красного Креста обменять сына Сталина на одного высокопоставленного немецкого военачальника, находившегося в советском плену. Сообщалось, что в связи с этой попыткой Сталин произнес свою знаменитую фразу: «Я фельдмаршала на солдата не меняю».

Ватикан, говорилось в публикации «Ивнинг стандарт», имеет отчет о беседе Геринга с молодым Сталиным. Об этой беседе генерал-лейтенант Штахель, бывший тогда германским комендантом Рима, рассказал высшему сановнику римско-католического ордена, немцу по происхождению. Этот священник написал полный отчет, который, как стало известно, папа прочел с большим интересом.

«Геринг, по-видимому, пытался поразить сына Сталина военной и индустриальной мощью Германии и убедить его также в превосходстве западной цивилизации. Яков не только не был поражен, но выразил свое презрение ко всему нерусскому. Москва, сказал он нацистскому лидеру, станет могущественным политическим, научным и экономическим центром мира. По словам Якова, он редко виделся со своим отцом и не имел личных привилегий, связанных с тем, что он является сыном премьера.

Судя по словам Штахеля, на Геринга произвел большое впечатление почти религиозный характер коммунистических убеждений молодого Сталина»²⁹.

Публикация беседы Геринга с Яковом Джугашвили была одним из свидетельств многообразных приемов, которые использовала немецкая пропаганда в борьбе против Советского Союза, в частности, для дискредитации Сталина. Как видно из беседы Геринга с сыном Сталина, когда в этом была необходимость, для решения пропагандистских задач подключались и бонзы такого масштаба, как Герман Геринг.

Немецкая пропаганда вела не менее активную работу и против своего англо-американского противника.

В своей последней «Беседе у камина», выступая по радио 6 января 1945 г., Рузвельт говорил: «Я хотел бы самым решительным образом предостеречь от опасности, которую для нас представляет ядовитая вражеская пропаганда». Президент говорил, что в свое время Германия старалась вбить клин между странами Западной Европы, однако, с точки зрения достижения победы в войне, гораздо опаснее то, что сейчас она пытается вбить клин между нами и нашими союзниками. «То тут, то там возникают злонамеренные, беспочвенные слухи, порочащие русских, или британцев, или наших собственных военачальников. Если проследить происхождение этих слухов, на них всегда можно обнаружить одно и то же клеймо: “Сделано в Германии”»³⁰.

Выступление Рузвельта еще раз свидетельствовало о том, что Вторая мировая война была самым политизированным конфликтом в истории. И естественно, что пропаганда с той и другой стороны играла важную роль на протяжении всей войны.

Антифашистский, народный характер этой войны требовал от Большой тройки повышенного внимания к разъяснению широким народным массам ее характера, целей, которые преследовали в ней союзники.

Из всех участников Большой тройки Сталину, пожалуй, лучше всех удавалось решать эти задачи. Его выступления были просты по форме, понятны самым широким народным массам, глубоко содержательны. Причем обращало на себя внимание, что Сталин формулировал не только цели и задачи Советского Союза в войне, но и ставил проблемы исключительно важные для всех участников антигитлеровской коалиции.

На протяжении всей войны, особенно на ее завершающем этапе, польский вопрос стоял как кость в горле в отношениях между Сталиным и союзниками.

В октябре 1944 г. Черчилль и Иден посетили Москву, чтобы решить со Сталиным в первую очередь польский вопрос. Дебаты по польской проблеме были очень тяжелыми. Никто не хотел уступать. Сталин и Черчилль договорились о приглашении в Москву польской делегации во главе с премьер-министром польского эмигрантского правительства Миколайчиком.

Очевидно, Черчилль рассчитывал, что присутствие поляков на переговорах со Сталиным поможет сдвинуть с мертвой точки тяжелый груз польских проблем. Расчеты премьер-министра не оправдались. Лондонские поляки держались резко, вызываясь. И однажды Черчилля прорвало. Он явно потерял терпение, вышел из себя. «Вы черствые люди, — заявил Черчилль полякам, — и хотите погубить Европу... у вас на уме только ваши собственные жалкие интересы... мне придется обратиться к другим полякам, и это Люблинское правительство, возможно, будет работать очень хорошо... если вы хотите покорить Россию, мы предоставим вам сделать это... Я не знаю, будет ли британское правительство и впредь признавать вас»³¹.

Черчилль, так же как Сталин и Рузвельт, был чрезвычайно занят, решал многочисленные и сложнейшие проблемы. И лондонские поляки, очевидно, настолько ему надоели, что в этом эмоциональном выступлении премьер-министр по существу во многом солидаризировался с точкой зрения Сталина на польскую проблему. Во всяком случае, он в первый и последний раз дал столь позитивную оценку Люблинскому правительству Польши.

Черчилль писал в мемуарах, что в Москве их встретили «исключительно сердечно и торжественно»³². В знак особого расположения к английскому гостю в честь его в Большом театре был устроен концерт с участием лучших артистов оперы и балета. Сталин, провожая Черчилля, подарил на память для его жены хрустальную вазу, оправленную серебряной чеканкой, изображающей рулевого на большой лодке, а самому Черчиллю — вазу с изображением охотника на медведя с рогатиной. Черчилль ответил очень теплым письмом³³.

Если Сталин выбирал подарки, вкладывая в это какой-то смысл, то, возможно, он хотел сказать, что Черчилль был хорошим кормчим, что бывший морской министр неплохо вел могучий английский корабль по бурным волнам Второй мировой войны. Охотник на медведя с рогатиной, наверно, мог напоминать, что Черчиллю не раз пришлось за годы войны вступать в схватку с русским медведем...

Во всяком случае, Черчилль остался очень доволен приемом, который устроил ему Сталин.

Окончание войны приближалось стремительно, и Черчилль решил использовать встречу со Сталиным, чтобы полюбовно догово-

риться с ним о разделе сфер влияния. Премьер-министр так описывал этот эпизод в главе своих мемуаров, которую он назвал «Октябрь в Москве»: «...Создалась деловая атмосфера, и я заявил: “Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам в Югославии?”

Пока идею Черчилля озвучивал переводчик, премьер-министр быстро набросал на бумаге: Румыния: Россия — 90%, другие — 10%. Греция: Великобритания (в согласии с США) — 90%, Россия — 10%. Югославия: 50—50%. Венгрия: 50—50%. Болгария: Россия — 75%, другие — 25%.

Предложение Черчилля было неожиданным и явно с подтекстом. Интересна реакция Сталина на эту идею английского гостя. “Я передал этот листок Сталину, — вспоминал Черчилль, — который к этому времени уже выслушал перевод. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне”.

Описывая эту сцену, Черчилль отметил, что “наступило длительное молчание”. И, очевидно, пауза была не только длительная, но и тяжелая. «Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец я сказал: “Не покажется ли несколько циничным, что мы грешили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку”. — “Нет, оставьте ее себе”, — сказал Сталин»^{33а}.

Черчилль был прав — предложение оказалось и циничным, и бесперспективным. Оно напоминало и по форме, и по содержанию идею о разделе сфер влияния, которую в декабре 1940 г. Гитлер изложил Молотову. Аналогия была и в другом: предложение и Гитлера, и Черчилля советской стороной было отвергнуто.

Во время встречи Сталина и Черчилля в Москве в октябре 1944 г. был поднят вопрос о черноморских проливах, о чем Черчилль писал Рузвельту 22 октября 1944 г. Причем Черчилль подчеркивал, что Сталин обещал внести официальные советские предложения по вопросу о проливах и «что они будут умеренными»^{33б}.

Черчилль убеждал Сталина, что прошли времена Дизраэли и Керзона и что Великобритания не намерена мешать России получить выход к теплым морям. Сталин принял к сведению мнение Черчилля и заметил, что для Советского Союза черноморские проливы не менее важны, чем для Англии Суэц и Гибралтар, а для США — Панама. Черчилль еще раз подчеркнул, что у России «спра-

ведливые и моральные претензии». В ответ на это «Сталин попросил Черчилля запомнить их беседу, придет время и СССР поднимет эту международную проблему»³⁴.

В Ялте и в Потсдаме Сталин поставил вопрос о пересмотре конвенции в Монтре, регулировавшей статус черноморских проливов. Черчилль и Рузвельт заверили советского лидера в Крыму, что конвенция в Монтре будет пересмотрена в пользу Советского Союза. Такое же решение было принято в Потсдаме.

Однако когда СССР поставил вопрос о вынесении этого решения, Англия и США отказались от своих обязательств.

Общественность союзных и дружественных стран с большим вниманием и искренним интересом прислушивалась к мнению выдающихся советских писателей, работников искусства, ученых о борьбе советского народа с фашистскими захватчиками, о роли Сталина в этой борьбе.

22 сентября 1944 г. писатель Леонид Леонов встретился в ВОКСе с корреспондентом американского журнала «Лайф» Херси. В отчете заведующего американским отделом ВОКСа Р. Либерзон об этой встрече говорилось: «Леонов рассказал (попросив Херси не писать об этом), что через неделю после издания пьесы («Нашествие». — *Р.И.*) ему позвонил Сталин и высказал свое мнение о пьесе. Леонов сказал Сталину, что у него есть ряд сомнений по вопросу о роли советского писателя в современной войне, и он хотел бы получить разъяснения. Сталин спросил: Вы хотите получить ответ в устной или в письменной форме? Это было в сентябре 1942 г., когда Сталин разрабатывал план Сталинградской операции».

Знаменательный факт, свидетельствовавший о том, что в самые тяжелые дни войны Сталин находил время следить за культурной жизнью страны, общаться с ее крупнейшими представителями. Причем показательно, что Сталина интересовали в первую очередь произведения искусства и культуры, которые касались военной тематики. Советский руководитель придавал большое значение роли искусства и культуры в мобилизации духовного потенциала народа на борьбу с захватчиками.

Леонов подробно рассказал корреспонденту журнала «Лайф» о своих поездках на фронт, о месте писателя в борьбе с фашистскими захватчиками, об особой ответственности писателя в такие переломные этапы в истории его страны.

Американский журналист спросил Леонова, чувствует ли он какое-либо давление на себя в творческих вопросах.

«Леонов ответил: конечно, чувствую. Это общественное мнение советского читателя. Я не имею права обмануть этого читателя.

Я его боюсь. Я не боюсь Главреперткома и не боюсь даже статей в “Правде”. Но я очень боюсь учительницы, которая живет где-то в волжском городке, получает 300 р. в месяц и читает мои книги. Она чувствует, если я сфальшивлю».

Леонов откровенно отвечал на многочисленные вопросы своего собеседника, не уклоняясь даже от самых острых проблем.

«В середине беседы Леонов сказал Херси: “Мы отклонились от первоначальной темы, от задания журнала”. — “Какое там задание. — воскликнул Херси. — Это самая интересная беседа за все время моего пребывания в СССР!”»

В заключение встречи «Херси сказал, что очень хотел бы продолжить беседу после того, как он посмотрит пьесу Леонова»³⁵.

Советские представительства в союзных и дружественных странах стремились в своей работе выйти на самые широкие круги общестственности этих стран.

Какими методами это достигалось и к каким результатам приводило — наглядно свидетельствовал отчет второго секретаря Посольства СССР в Чунцине, в Китае, С.Л. Тихвинского. В отчете, направленном руководителю ВОКСа В. Кеменову, рассказывалось о фотовыставке в Сиане, крупнейшем городе Северо-Западного Китая, открывшейся 13 сентября 1944 г. Выставка, организованная ВОКСом, была посвящена борьбе Красной Армии с немецкими захватчиками и другим проблемам жизни Советского Союза в период войны.

В отчете давалась глубокая характеристика внутривосточного положения в Китае, анализ отзывов многочисленных посетителей этой выставки.

Город Сиань, отмечал С.Л. Тихвинский, является центром антикоммунистической активности гоминдана. Он расположен недалеко от Особого Района и до предела насыщен всевозможными контрреволюционными организациями, жандармерией и войсками антикоммунистической армии генерала Ху Цзунаня. «Не случайно поэтому, — говорилось в отчете, — следующая запись одного из посетителей выставки: “Я пожелаю великому вождю Сталину, чтобы он отказался от идей мировой революции и дал указание китайским коммунистам возвратиться в лоно родины и выполнять священную миссию защиты китайской нации”^{35a}.

По мере приближения конца войны все более обострялись отношения между СССР и его союзниками, между Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом.

Эта тенденция отражалась в позиции прессы, в переписке Сталина с Черчиллем и Рузвельтом, в дипломатических документах.

В ноябре 1944 г. в политической истории США произошло беспрецедентное событие — Рузвельт впервые в истории страны в четвертый раз подряд был избран президентом Соединенных Штатов Америки. Для американских консервативных кругов это означало крушение всех надежд добиться изменения в нужном для них направлении внутренней и внешней политики Соединенных Штатов. В области военной политики эти круги рассчитывали в первую очередь на ужесточение американского курса по отношению к Советскому Союзу. Это было наглядно видно из программного выступления в Сенате 10 января 1945 г. одного из лидеров республиканцев, члена сенатской комиссии по иностранным делам Артура Ванденберга. Это, по определению Ральфа Левернига, была, «возможно, самая знаменитая в Америке речь периода Второй мировой войны»³⁶.

Ванденберг ратовал за поворот от безоговорочного союза с Великобританией и Россией к жесткому соблюдению положений Атлантической хартии и принципов американизма. Сенатор вдохновенно призвал к «уважению наших идеалов, наших посвящений и обязательств. Это будет величайшим вкладом, который правительство сможет внести в достижение действительно реального мира, в результате которого наши герои-сыновья смогут быстро вернуться домой, мира, который обеспечит в наилучшей степени реализацию наших устремлений, наших жертв и наших мечтаний».

Ванденберг резко критиковал внешнеполитический курс Рузвельта. «Я не знаю, — говорил сенатор, — почему мы должны быть только молчаливым партнером в этом великом союзе. Представляется, что не должно быть страха, что нарушится единство. Ведь нет никаких колебаний в Москве, когда она хочет реализовать свои односторонние военные и мирные цели, что сталкивает ее с нами. ...Ведь нет никаких колебаний в Лондоне, когда м-р Черчилль в одностороннем порядке предпринимает действия, которые часто противоречат нашим идеям и идеалам».

Ванденберг выступил с резкой критикой «одностороннего плана России», который приведет к тому, что «прямо или косвенно будет ликвидирован пояс буферных государств, что противоречит нашей концепции, за которую мы сражаемся, — за права малых стран и справедливый мир». Дав столь высокую оценку «бескорыстных» мотивов участия США в войне, ведущий политик оппозиционной республиканской партии не удержался от желания высказать свои пожелания по вопросу о том, что и как должен делать Советский Союз в своей внешней политике. Ванденберг заявил, что России следует признать принципы «коллективной безопасности», чтобы быть уверенной, что Германия никогда больше не нападет

на нее. Именно этот страх, по его мнению, заставлял Россию предпринимать односторонние акции в Восточной Европе. Для того чтобы реализовать планы коллективной безопасности, сенатор предлагал союзникам заключить договор, гарантирующий разоружение нацистских держав.

Упоминание Ванденберга о «буферных государствах» было призывом к восстановлению «санитарного кордона» вдоль советских границ.

Сталин в годы войны в своих выступлениях неоднократно возвращался к этой проблеме, твердо заявляя, что Советский Союз не допустит восстановления такого «кордона».

Выступление Ванденберга было попыткой поставить под сомнение эту точку зрения советского руководителя.

Ванденберг призывал правительство Рузвельта последовательно проводить курс на реализацию идей Атлантической хартии, в которой, по его мнению, особенно четко сформулированы цели, которые преследуют США в войне. Идеи, изложенные Ванденбергом, с одной стороны, суммировали основные направления, по которым консерваторы критиковали внешнюю политику Рузвельта. С другой — это была своеобразная установка, инструктаж средствам массовой информации, на какие болевые точки надо нажимать, критикуя политику президента в отношениях с союзниками по антигитлеровской коалиции, в первую очередь с Россией.

Сенатор прямо заявлял, что прочный международный мир может основываться только на реализации «американских идеалов»: открытые договоры, территориальная целостность, самоопределение наций, лидеры которых должны избираться на свободных выборах, и коллективная безопасность, основанная на «американских принципах»³⁷.

Выступление Артура Ванденберга было апофеозом политического курса консервативных американских кругов на доминирование США в послевоенном мире. На практике оно означало удар по принципам, на которых была создана антигитлеровская коалиция, по целям, за которые она боролась. В выступлениях Сталина, Рузвельта, Черчилля, в официальных документах Большой тройки неоднократно подчеркивалось, что борьба ведется за то, чтобы обеспечить всем странам и народам суверенные, равные права в будущем сообществе Объединенных Наций.

Ванденберг ратовал за послевоенный мир на «принципах американизма». Такие призывы невольно ассоциировались с идеями «нового порядка» Гитлера, в борьбе с которым народы приносили такие огромные жертвы.

Руководство оппозиционной республиканской партии старалось прийти к компромиссу с демократами по внешнеполитическим вопросам. Эту точку зрения разделял, в частности, Дж. Ф. Даллес, «дипломат почти со дня рождения», как характеризовали будущего государственного секретаря его английские коллеги. Имелось в виду, что дед Даллеса был государственным секретарем в администрации президента Гаррисона. Сам Даллес приобщился к дипломатической деятельности еще в 1907 г., когда в возрасте 19 лет он участвовал в работе мирной конференции в Гааге³⁸. Выражая мнение руководящих кругов республиканской партии, Даллес заявлял: «Мы не имели такого сотрудничества (между демократами и республиканцами во внешней политике) после Первой мировой войны, и я думаю, что это было одной из причин крушения мира»³⁹.

Консервативно настроенная общественность США много говорила о нарушении Советским Союзом принципов демократии и самоопределения народа Польши, об антидемократическом характере режима, создавшегося там с помощью Советского Союза. Однако характерно, что никто не спрашивал мнения тех же американских поляков о событиях в Польше после вступления туда советских войск.

В дипломатических документах и средствах массовой информации США настойчиво повторялось, что советские вооруженные силы пришли в Польшу как оккупанты, что Временное правительство Польши, сформированное в Люблине, никого не представляет, кроме коммунистов, ориентирующихся на Москву, а польское правительство в эмиграции в Лондоне — единственно законная и самая демократическая структура, которая должна быть чуть ли не единственным представителем всех поляков.

Многие американские источники опровергали подобные измышления. Например, 17 января 1945 г. Л. Кржицкий, президент Американского польского рабочего совета, направил письмо Рузвельту, в котором говорилось, что Совет объединяет не менее 600 тысяч американских рабочих польского происхождения, входящих в КПП и АФТ. В письме говорилось: польские рабочие «поддерживают вашу политику тесного единства в антигитлеровской коалиции Соединенных Штатов, Советского Союза, Великобритании и других Объединенных Наций».

Автор письма высоко оценивал демократический процесс, развивавшийся на территории Польши, освобожденной советскими войсками. «В освобожденной части Польши, — писал президент Совета, — народ сегодня на практике осуществляет демократию. Восстанавливаются профсоюзы и другие организации трудящихся. Вновь

открываются школы и церкви. По воле польского народа, сражающегося с общим врагом, в Люблине было сформировано Временное правительство Польши, которое, несомненно, имеет поддержку подавляющего большинства народа в освобожденных районах и получает поддержку в тех частях Польши, которые освобождаются Красной Армией и Польской Армией. В этот день мы приветствуем освобождение Варшавы, столицы Польши».

Автор письма не ограничивался оценкой положения, сложившегося в Польше, а делал определенные прогнозы. «Мы верим, — говорилось в письме, — что правительство США найдет путь к сердечному согласию с вновь сформированным Временным правительством Польши. У нас нет сомнений в том, что наша дружба будет вдохновением для польского народа в строительстве суверенной, независимой, демократической Польши. Такая Польша может быть сильной, так как она будет жить в мире и согласии с соседями, СССР и Чехословакией и другими демократическими государствами Европы и с Соединенными Штатами Америки».

Проявляя незаурядный политический здравый смысл, автор ставил вопрос о границах новой Польши: «Мы также считаем, что границы Польши следует передвинуть на Запад, за счет Германии, с тем, чтобы Польша могла не только вернуть земли, ранее ей принадлежавшие, но и получила бы широкий выход к морю, что в первую очередь обезопасит ее от нового нападения Германии».

С полным основанием в письме делался вывод: «Мы уверены, что такое решение проблемы не только в интересах Польши, но и в интересах мира и безопасности всей Европы, а поэтому также и в национальных интересах Соединенных Штатов»⁴⁰.

Цитированный документ весьма показателен. Он свидетельствовал о высокой политической сознательности американских рабочих польского происхождения, об их четкой оценке реального положения дел, сложившегося в освобождаемых от оккупации районах Польши. При этом американские рабочие-поляки видели решение польской проблемы именно в том ракурсе, о котором спустя две недели будут говорить на Крымской конференции ее советские участники.

Позиция президента Американского польского рабочего совета, человека отнюдь не либеральных воззрений, отражала мнение не только значительной части американцев польского происхождения.

Все славянское население США активно выступало за сотрудничество с Советским Союзом, вносило большой и разносторонний вклад в укрепление солидарности с народами СССР, в развитие самых различных связей между общественностью двух стран.

Славяне США поддерживали и внутреннюю, и внешнюю политику президента Рузвельта. Всеславянский комитет СССР констатировал: «Второй Славянский конгресс состоялся в Питтсбурге 23—24 сентября 1944 года. В это время США готовились к выборам президента. Реакция подняла голову и организовала кампанию против Рузвельта. Конгресс мобилизовал свои силы на борьбу с реакцией и на поддержку Рузвельта. В районах, где славяне проживают более или менее компактными массами, Рузвельт собрал до 90 процентов голосов. Сами противники... президента признавали, что американские славяне сыграли большую роль в его избрании»⁴¹.

Плюрализм мнений всегда был характерен для американцев. И даже в периоды обострения отношений между СССР и США разброс мнений в оценках сложнейших проблем советско-американских связей оставался в Соединенных Штатах очень значительным.

В канун Крымской конференции, как указывалось, наметилось определенное усложнение отношений между двумя странами. Но и в это время по-прежнему проводились массовые встречи американцев в поддержку курса на укрепление контактов между народами двух стран в активизации их борьбы против общего врага.

Одна из таких встреч, организованная сторонниками советско-американского сотрудничества, состоялась в середине ноября 1944 г. в Медисон-сквер Гарден, в Нью-Йорке. В митинге принял участие исполняющий обязанности государственного секретаря Эдвард Стеттиниус и посол СССР А. Громыко.

Выступление руководителя внешнеполитического ведомства США было выдержано в очень оптимистических тонах. «Дружба между США и СССР, — заявил Стеттиниус, — прочное наследие наших народов. Конечно, в отношениях между странами возникают трудности... они могут и должны разрешаться мирным путем, в духе взаимопонимания и доброй воли, в интересах всех». Громыко отметил в своем выступлении, что «необходимость скоординированных действий союзников диктуется их коренными национальными интересами». Многие положения выступлений американского и советского ораторов перекликались и дополняли друг друга⁴².

Интересна была в условиях растущей критики действий Советского Союза позиция значительной части прессы США, продолжавшей придерживаться просоветской ориентации. Журнал «Нейшн» заявлял: «Вскоре мы услышим всевозможные жалобы, даже со стороны людей, которые не являются убежденными противниками Советского Союза, что русские пытаются стать доминирующим политическим фактором на континенте». Журнал считал, что подобные жалобы будут бесполезны, если Соединенные Штаты не смо-

гут предложить ничего лучше, чем «теория свободного предпринимательства, большого бизнеса...»

Газета «Нью-Йорк таймс» заявляла в редакционной статье: «Продолжающееся сотрудничество между Соединенными Штатами и Россией настолько важно для будущего мира во всем мире, что остающимся различиям нельзя разрешать вмешиваться в наши отношения»⁴³⁻⁴⁴.

Комментатор Си-Би-Эс Джозеф Херш в своем выступлении 11 декабря 1944 г. заявил, что разногласия внутри Большой тройки не должны «вести к признанию того, что какая-либо из главных союзных держав имеет преимущественное право на добродетель». Херш отметил, что США недавно резко раскритиковали действия англичан в Греции, а русских — в Болгарии и Румынии. В связи с этим комментатор указывал: «На взгляд со стороны, мы без какого-либо противодействия господствуем на двух континентах. В силу этого наша безопасность более надежна, чем это могли бы представить Британия или Россия. Обе страны завидуют нашей более надежной безопасности. Это усиливает возможность резкой критики»⁴⁵.

В выступлениях консервативных кругов Англии и США, в переписке со Сталиным Черчилля и Рузвельта звучало немало критических нот в адрес советской политики в Европе, лично в адрес советского руководителя.

Однако до победы надо было еще пройти довольно большой и зачастую отнюдь не триумфальный путь. На нем западных союзников поджидали и серьезные испытания, когда волей-неволей приходилось обращаться за помощью к Сталину, что отнюдь не было приятно для руководителей Англии и США.

Конец 1944 г. ознаменовался крупной неудачей для англо-американских войск в Западной Европе. Гитлер использовал обстановку, созданную наступлением союзников у границ Германии, для того, чтобы нанести им контрудар в районе Арденн (Бельгия). Замысел немцев состоял в том, чтобы отрезать и разгромить англо-американские войска в Бельгии и Голландии, сорвать их планы наступления на будущий год и получить тем самым возможность перебросить значительную часть войск на Восток для борьбы с Красной Армией. Фронт был прорван, и немецкие войска продвинулись на 90 км. «Наступление немцев кое-как удалось задержать, — отмечает В.Г. Трухановский, — но угроза разгрома ими второго фронта существовала в самой острой форме»⁴⁶.

В тревожные дни немецкого прорыва в Арденнах Черчилль 6 января 1945 г. обратился к Сталину с просьбой начать «крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте

в течение января»⁴⁷. В ответном письме Сталин писал, что, «учитывая положение наших союзников на Западном фронте», решено «усиленным темпом закончить подготовку и... открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января»⁴⁸. 12 января, на восемь дней ранее намечавшегося срока, советские войска нанесли гитлеровской армии мощный удар, немцы сразу же прекратили наступательные действия на Западе и начали переброску войск на Восток. В течение первых трех недель советские войска продвинулись на 500 км на главном направлении наступления, вышли на реку Одер и оказались в 70 км от Берлина. «Верность СССР своему союзническому долгу еще выше подняла его мировой престиж»⁴⁹.

Выполнение обязательств — основа жизнеспособности любого военно-политического союза. В отличие от западных союзников Советское Верховное Главнокомандование, лично Сталин были всегда верны своему союзническому долгу.

Тяжелое положение, в котором оказались союзники в результате наступления немцев в Арденнах, еще раз свидетельствовало о настоятельной необходимости теснейшей координации общих военных усилий в интересах быстрее разгрома врага. Советское Верховное Главнокомандование делало все возможное, чтобы обеспечить такую координацию.

Между тем «Гитлер начал перебрасывать свои войска с Западного фронта на Восточный, пока к концу марта 1945 г. против западных союзников осталось менее 30 немецких дивизий, в то время как русским противостояло более 150 дивизий».

Арденны заставили Черчилля и Рузвельта серьезно задуматься над дальнейшими перспективами развития военных действий в Европе. Американский посол в Москве Гарриман «предложил, чтобы Эйзенхауэр лично направился в Москву на переговоры». Обстоятельства не позволили Эйзенхауэру воспользоваться этим предложением, и в Москву вылетел английский главный маршал авиации Теддер. «Перед ним стояла настоятельная необходимость выяснить, была ли угроза задержки русского зимнего наступления, что облегчило бы давление немцев на Западе, являлись ли Арденны только первым из многих подобных наступлений немцев на Западе»⁵⁰.

Его миссия дала положительные результаты. Сталин заверил Теддера в том, что советское наступление приведет к облегчению положения союзников в Арденнах. «Сталин сказал, что немцы проявили больше решительности, чем здравого смысла, и что их наступление в Арденнах было ошибкой. И тем не менее он не считает, что война кончится раньше наступления лета. Встреча Теддера

со Сталиным рассматривалась как один из наиболее плодотворных обменов мнениями между Западом и Россией за весь период войны. Прямые контакты военного специалиста со Сталиным оказались значительно более эффективными, чем бесчисленные дипломатические тонкости»⁵¹.

Сталин был не только Верховным Главнокомандующим, но и диктатором великой державы. Западные государственные, политические и военные лидеры располагали достаточно полной информацией о характере установленного им режима. И естественно, что, вступая в контакты со Сталиным, они не могли не учитывать эту сторону его деятельности.

Джордж Кеннан, будущий посол США в СССР, во время войны был атташе американского посольства в Москве. Он дал показательную характеристику Сталина: «Смелый, но осторожный, легко впадающий в гнев и подозрительный, но терпеливый и настойчивый в достижении своих целей; способный действовать с большой решительностью или выжидательно и скрытно — в зависимости от обстоятельств, внешне скромный и простой, но ревниво относящийся к престижу и достоинству государства... принципиальный и беспощадно реалистичный, решительный в своих требованиях в отношении лояльности, уважения и подчинения; остро и несентиментально изучающий людей — он мог быть, как настоящий грузинский герой, большим и хорошим другом или непримиримым, опасным врагом. Для него трудно было быть где-то посередине, между тем и другим»⁵².

В марте 1945 г. Эйзенхауэр установил прямые связи с советским Верховным Главнокомандующим. 28 марта через американскую военную миссию в Москве он направил послание Сталину. Характерно, что если Эйзенхауэр, посылая Теддера в Москву, получил на это предварительное согласие Объединенного комитета начальников штабов западных союзников, то данную акцию он совершил по собственной инициативе.

Дэвид Эйзенхауэр называет послание Дуайта Эйзенхауэра Сталину «беспрецедентным» и отмечает, что «он направил его без консультации с Объединенным комитетом начальников штабов союзников»⁵³.

В послании к Сталину Эйзенхауэр писал, что его ближайшая цель — окружить Рур и отрезать этот индустриальный центр от остальной части Германии. Эту операцию он рассчитывал завершить к 1 апреля, а затем расколоть единый фронт противника, соединившись с советскими войсками. Эйзенхауэр заканчивал свое послание указанием на то, что успех его операций зависит от коор-

динации военных усилий с советскими вооруженными силами. Союзный Главнокомандующий спрашивал Сталина, каковы будут ближайшие планы советского командования⁵⁴.

Показательно, что Эйзенхауэр ничего не сказал в этом послании ни о Берлине, ни об Эльбе как о рубежах, на которые готовились выйти американские войска.

«Сталин ответил Эйзенхауэру очень быстро. Он согласился с предложенным планом и районами для соединения»⁵⁵. В своем ответе Эйзенхауэру Сталин писал, что Берлин потерял свое прежнее стратегическое значение и Красная Армия будет штурмовать столицу Германии лишь вспомогательными силами. В действительности уже в то время советским командованием на Берлинское направление были брошены огромные силы, «миллион с четвертью солдат и двадцать две тысячи артиллерийских стволов». Англичане заявили Маршаллу самый решительный протест против отказа Эйзенхауэра штурмовать Берлин, «не в восторге они были и от того, что Эйзенхауэр начал непосредственно общаться со Сталиным. Они боялись, что Сталин оставит Эйзенхауэра в дураках»⁵⁶.

Черчилль и руководящие военные круги Великобритании не скрывали своего отрицательного отношения к действиям Эйзенхауэра. Они открыто заявили, что ему не было необходимости напрямую обращаться к Сталину. Если это и надо было сделать, то только через Объединенный штаб союзных войск. Помимо политической стороны вопроса, Черчилль высказывал и свое несогласие с рядом военных соображений, изложенных в послании Эйзенхауэра Сталину⁵⁷. В частности, это касалось вопроса о Берлине. «Идея пренебрежительного отношения к Берлину, — заявлял британский премьер-министр, — и предоставления возможности в будущем русским брать Берлин не кажется мне правильной»⁵⁸.

Британский премьер-министр был искренне убежден, что он — настоящий военный стратег, а поэтому все серьезные вопросы необходимо согласовывать с ним или его штабом.

«Черчилль был страшно разгневан на Эйзенхауэра за то, что тот не проконсультировался с его советниками, с союзным Комитетом начальников штабов или со своими политическими руководителями, а также за то, что Эйзенхауэр, как он считал, не в состоянии здраво оценивать политическую обстановку»⁵⁹.

Эйзенхауэр в ответ на все критические замечания отвечал, что его цель — уничтожение германской армии и победа, что этой задаче он подчиняет все свои действия. В документе, направленном одновременно Черчиллю и Объединенному комитету начальников штабов, он подробно излагал свои военные планы на заключительном

этапе войны. В частности, Эйзенхауэр подчеркивал целесообразность соединения русских и западных союзников на юге Германии⁶⁰.

По мере приближения окончания войны активность Черчилля все более возрастала. «...Скоро выяснилось, — вспоминал Эйзенхауэр, — что премьер-министр серьезно возражает против моих действий такого рода». Черчилль считал, что, «поскольку кампания теперь приближалась к завершению, действия войск приобрели политическое значение, которое требует вмешательства политических лидеров в разработку широких операционных планов»⁶¹.

Вторая мировая война, как уже отмечалось, была самым политизированным военным конфликтом в мировой истории. Кровавые бои шли не только на ее многочисленных фронтах. Ход военных действий сопровождался настоящими политическими, идеологическими баталиями между союзниками и странами гитлеровского блока.

Необходимо также учитывать, что вокруг Германии объединились страны с одинаковым общественно-политическим устройством. Главная держава антигитлеровской коалиции, несшая основную тяжесть боев с общим противником, — Советский Союз был настоящим политическим и идеологическим антиподом для всех других союзных государств. Это было очень уязвимым местом антигитлеровской коалиции. Если на фронте удар стараются наносить встык между воинскими соединениями противника, то на дипломатическом, политическом, идеологическом фронте Второй мировой войны нацисты всегда стремились нанести удар встык между СССР и его союзниками, направленный на то, чтобы расколоть единый фронт Советского Союза с Англией, США и другими членами антигитлеровской коалиции.

Об этом знали и Сталин, и его партнеры по Большой тройке, которые старались не выносить сор из избы. Черчилль и Рузвельт, так же как и Сталин, всемерно приглушали в своих публичных выступлениях спорные вопросы, старались выделять то, что спланивало, а не разъединяло их с советским союзником, лично со Сталиным.

Усиленное подчеркивание в таких выступлениях Рузвельта и Черчилля позитивной роли Сталина в общей борьбе с блоком нацистских держав было не только данью уважения к личному вкладу советского руководителя в решение проблем, стоявших перед антигитлеровской коалицией.

Это было и просто констатацией сложившегося положения вещей, признанием того, что в советской политической структуре Сталин был общепризнанным военным, государственным, политическим лидером.

По мере приближения победы эта роль Сталина все более возрастала, что нашло свое отражение и в оценках его деятельности в выступлениях руководителей союзных держав.

В августе 1944 г. Черчилль выступил в палате общин и подчеркнул в своей речи, что наступление союзников в Европе — это выполнение их обязательств, которые он и Рузвельт дали Сталину в Тегеране. «В Тегеране мы обещали маршалу Сталину, — говорил Черчилль, — что будем проводить в жизнь этот план или нечто ему подобное в конце мая или в начале июня, а он со своей стороны обещал нам, что русские армии будут брошены, как они и были действительно брошены, в генеральное сражение на Востоке»⁶².

Премьер-министр очень высоко оценивал боевые качества Красной Армии, искусство ее Главнокомандующего: «В воздухе, на океане и в морях мы можем сохранять наше положение, но не было в мире такой силы, которая могла бы сломить и сокрушить германскую армию и нанести ей такие колоссальные потери, как это сделали русские... армии. Я приветствую маршала Сталина, этого великого вождя своей страны, и я твердо верю в то, что наш двадцатилетний договор с Россией окажется одним из наиболее длительных и прочных факторов в деле сохранения мира, порядка и прогресса в Европе»⁶³.

Черчилль заявил, что наступил обнадеживающий момент для Польши. «Русские армии, — сказал он, — стоят сейчас у ворот Варшавы. Они несут освобождение Польше. Они предлагают полякам свободу, суверенитет и независимость».

Как видно из этого выступления Черчилля, в нем не было даже намека на ту резкую дискуссию со Сталиным, которую премьер-министр вел с советским руководителем на протяжении всей войны и которая все более усиливалась по мере развертывания операций Красной Армии по освобождению Польши. Причем важно подчеркнуть, что Черчилль выступал после начала восстания в Варшаве, что привело к резкому обострению его отношений со Сталиным. В выступлении Черчилля не было ни малейшего намека на это.

Союзники неоднократно срывали сроки открытия второго фронта. Это стоило для Красной Армии колоссальных дополнительных людских жертв и материальных потерь. И когда Сталин дал столь блестящую характеристику операции по форсированию Ла-Манша, то эта оценка советского руководителя произвела очень благоприятное впечатление на союзников.

В сентябре 1944 г., выступая в палате общин, Черчилль говорил: «Выражения, в которых Маршал Сталин упомянул недавно в беседе о наших кампаниях на Западе, исполнены такого великоледу-

шая и восхищения, что я считаю себя, в свою очередь, обязанным указать, что Россия сковывает и бьет гораздо более крупные силы, чем те, которые противостоят союзникам на Западе, и что она на протяжении долгих лет ценой огромных потерь несла основное бремя борьбы на суше»⁶⁴.

Высадка англо-американских войск в Нормандии и мощные наступательные операции СССР и союзников коренным образом изменили всю стратегическую обстановку в Европе. Казалось бы, открывались благоприятные перспективы и для разгрома Германии, и для послевоенного мира.

Выступая в августе 1944 г. в палате общин, Черчилль дал исключительно высокую оценку Сталину как военачальнику и перспективам англо-советских отношений после окончания войны⁶⁵.

Аналогичная, очень высокая оценка Сталина как военного и государственного руководителя давалась в странах Британской империи.

Из Оттавы 3 августа 1944 г. сообщалось, что, комментируя награждение Сталина орденом Победы, канадская газета «Джорнэл» в передовой статье писала о нем «не только как о великом руководителе страны, но и высшем военном гении всех времен».

Статья высоко оценивала руководство Сталина в период отступления Красной Армии под мощным натиском германских армий, когда Сталин, как говорилось в статье, проявил исключительное моральное мужество и великолепное понимание войны в широком масштабе, знание своего народа и слабостей своего противника. Газета указывала, что в результате этого Германия выиграла много сражений, но проиграла войну. Когда Сталин предпринял наступление, в результате которого в настоящее время советская территория почти полностью очищена от врага, он показал другую сторону своих способностей — дар военного руководителя.

В заключение статьи указывалось, что «русский народ проявил стойкость и храбрость. Русские солдаты дрались решительно и отважно, над всем этим стоит героическая фигура Сталина, несравненного вождя своей страны в дни ее огромной опасности»⁶⁶.

В тех случаях, когда Черчилль и Сталин публично касались спорных с Советским Союзом проблем, они делали это в осторожной, дипломатичной форме, чтобы не нанести ущерба антигитлеровской коалиции.

В сентябре 1944 г., выступая в палате общин, Черчилль говорил: «Было бы аффектацией делать вид, что позиции английского правительства и, как я полагаю, правительства Соединенных Штатов в отношении Польши тождественны с позицией Советского Союза».

Черчилль считал, что нужно делать скидки на различные исторические и географические условия, определяющие позицию западных демократий, с одной стороны, и Советского правительства, с другой, в польском вопросе.

«Сам Сталин неоднократно высказывался в пользу сильной, дружественной, суверенной и независимой Польши, — говорил Черчилль.

В этом отношении наш великий восточный союзник полностью согласен с правительством его Величества, а также, если судить по американским публичным заявлениям, то и с правительством Соединенных Штатов»⁶⁷.

У СССР и союзников был различный подход и к вопросу о том, на каких условиях следует принять капитуляцию Германии.

Черчилль и Рузвельт поддержали предложение Сталина о безоговорочной капитуляции Германии. Почему лидер Англии пошел на это, объяснял английский автор: «Для этого у него были политические причины... Вследствие неспособности... союзников предпринять наступление на Западе, которого требовал Сталин, премьер-министр считал особенно важным, чтобы у русских не было оснований опасаться, что их покинут в беде, заключив компромиссный мир между Германией и Западом»⁶⁸.

Бизнес — бог Америки. И естественно, что в США очень внимательно прислушивались к мнению руководителей делового мира, когда рассматривались проблемы отношений между СССР и союзниками, между Сталиным, Рузвельтом, Черчиллем.

В сентябре 1944 года «Лайф» опубликовал статью председателя американской торговой палаты Джонстона о поездке в Советский Союз. В статье давалась очень позитивная оценка и СССР, и Сталина.

«В течение 6 недель, которые я провел в Советском Союзе в качестве официального гостя, — писал Джонстон, — мне позволили ездить куда я хотел, говорить с кем угодно. Для меня были открыты все возможности. Я видел некоторые вещи, которые иностранцам обычно не показывают. Вскоре я пришел к выводу, что иногда мы неправильно судим о России из-за официальной таинственности, которая применяется не только для того, чтобы скрыть важные события, но и для того, чтобы скрыть недостаток их».

Джонстон указывал на национальные особенности приема гостей в США и в России: В Америке мы склонны показывать посетителям отрицательные стороны. Путешествуя по России — по Москве, Ленинграду, Уралу, Сибири и азиатским республикам, я всегда ставил себе целью оценивать то, что вижу и слышу, с точки зрения возможного влияния этих фактов на советско-американские отношения в будущем.

Наблюдения привели Джонстона к трем главным выводам:

1. После восстановления мира Россия и США будут располагать преобладающей долей военной и промышленной мощи всего мира.

2. Хотя наши общественно-политические системы полярно противоположны, между ними нет неразрешимых экономических или территориальных конфликтов.

3. Судьба мира в значительной степени зависит от взаимоотношений и сотрудничества между Россией и США. Может быть, для меня, как делового человека, естественно чувство, что лучший способ добиться этого взаимопонимания заключается в значительном расширении обмена товарами и услугами между обеими странами.

Джонстон с оптимизмом смотрел в будущее: «Если обе стороны будут вести честную и прямую игру, то завтра мы сможем работать вместе и вместе вершить дела».

Автор описывал разрушения, которые он видел в Сталинграде: «Мы видели, как люди работают и роются в развалинах. Нам сказали, что большинство этих людей — русские женщины, которые с характерной для них энергией и решимостью начинают восстанавливать город. Раны глубоки и тяжелы. Но Сталинград возродится, как феникс, из пепла. Само его имя — город Сталина — залог того, что в конце концов он будет одним из самых производительных городов России — символом труда и возрождения».

Джонстон исключительно высоко оценивал роль советских женщин в промышленном производстве, медицине и в других областях. Описывая военный госпиталь в Москве, он отмечал, что особое впечатление на него произвела палата раненых партизанок. «Пусть запомнят навсегда, что русские женщины сыграли огромную роль в блестящих успехах Красной Армии, — писал Джонстон. — Я хотел бы возложить венок на неизвестные могилы погибших героических советских женщин».

Описывая поездку в Ленинград, автор восхищался героизмом ленинградских рабочих, продолжавших работать под бомбами. По поводу планов реконструкции Ленинграда он писал: «Я знаком с планированием городов в Америке, но, увидев планы Ленинграда, я был изумлен кругозором и архитектурным дерзанием, которые в них обнаруживаются».

Джонстон отмечал огромный промышленный рост Советского Союза, указывал на развитие промышленных центров — Магнитогорска, Свердловска, Новосибирска и Челябинска. И особенно высоко он оценивал быструю переброску промышленности на Восток во время войны, несмотря на колоссальные трудности, связанные с этим.

О своей беседе со Сталиным Джонстон писал: «Сталин пользуется острым, язвительным юмором, чтобы довести ту или иную мысль до сознания собеседника. Он не терпит изысканных и уклончивых дипломатических речей. В разговоре он прям и откровенен и ожидает от своего собеседника того же». По мнению Джонстона, сталинский стиль работы, общения, разговора был воспринят многими советскими людьми. В частности, он отмечал, что его собеседники в СССР проявляли большой интерес к обсуждению деловых вопросов. «Я убежден, — писал Джонстон, — что русские предпочитают иметь дело с откровенными представителями других стран, преимущественно с людьми, добившимися успеха в деловом мире. Русские больше всего восхищаются американским производственным гением. Любому человеку, символизирующему это производство, каково бы ни было его отношение к советской системе, обеспечен сердечный прием».

Маршал Сталин, продолжал Джонстон, просил меня передать американцам благодарность за помощь, оказываемую ими Советскому Союзу. Он выразил искренний интерес к возможностям будущего сотрудничества и надежду на огромный рост деловых отношений с нами после войны. Если можно будет организовать взаимно выгодные условия кредита, то идеологические разногласия не должны препятствовать этому. «Будучи молодой нацией, — писал Джонстон, — мы торговали со странами, которые имели отличные от нашей политические и экономические системы, пока они не интересовались нашими внутренними делами. Такова была наша политика вначале. Такова политика сегодня. В мире никогда не было тождественных социальных, политических и экономических систем»⁶⁹.

Джонстон был очень авторитетным человеком в мире бизнеса. И его восторженная оценка всего, что он видел в СССР, в частности Сталина, имела важное значение для правильного восприятия миллионами американцев советского союзника и его руководителя.

Особенно актуально это было в конце войны, в условиях поляризации мнений между Сталиным и его партнерами по Большой тройке по важнейшим проблемам, разделявшим руководителей трех держав.

То, что успехи Красной Армии, всего советского народа персонифицировались с успешным руководством вооруженными силами и страной Сталиным, было характерно не только для союзных, но и для колониальных стран.

Вторая мировая война, особенно разгром империалистической Японии, нанесла мощный удар по колониальной системе, явилась прологом ее крушения. Британская колониальная империя была са-

мая старая, большая и могущественная. И несмотря на то что Черчилль, как уже говорилось, не собирался председательствовать при ее ликвидации, процесс распада этой империи в определенной мере начался уже во время войны. И дело было здесь не в том, что американцы, по мнению премьер-министра, хотели подобрать осколки этой империи. Главная причина была в другом — антифашистский, освободительный характер Второй мировой войны не мог обойти стороной многие десятки миллионов народов колониальных и зависимых стран. Здесь поднималась мощная волна национально-освободительного движения, которая после окончания войны в короткие исторические сроки разобьет до основания колониальную систему, существовавшую несколько столетий.

Народы колониальных стран видели в лице Советского Союза и Сталина, как руководителя страны, главную силу не только в борьбе с фашизмом, но и в освобождении колоний и зависимых стран.

И было закономерно, что в странах Востока с особым энтузиазмом отмечали вклад Советского Союза и лично Сталина в разгром блока фашистских государств, что создавало условия для освобождения колоний, уничтожения их многовековой зависимости от империалистических держав.

С точки зрения содержания, направленности, эмоциональной характеристики таких выступлений в колониальных странах была показательна статья Поля Блана «В чем величие Сталина», опубликованная в сентябре 1944 г. в алжирской газете «Журналь демокраси».

Весь мир, говорилось в статье, восхищается Красной Армией, мощные боевые действия которой сначала ослабили, а затем разбили немецкую военную машину. Без Москвы и Сталинграда, без Орла и Харькова были бы невозможны победы Монтгомери, освобождение Северной Африки, Западной Италии, высадка в Нормандии и на юге Франции, освобождение Парижа и Марселя.

Однако как были подготовлены, как стали возможными и были достигнуты эти успехи? — спрашивал Блан и отвечал, что народы Советского Союза добились этого своим трудом. А главное, эти победы стали возможными, потому что в течение долгих лет два необыкновенных человека, подытожив ресурсы своей страны, направили все могущество труда народных масс на то, чтобы превратить эти огромные и почти не эксплуатировавшиеся ресурсы в реальные богатства, одни из которых должны были удовлетворить нужды населения, другие — обеспечить защиту советского содружества народов.

Автор отмечал, что роль Ленина и Сталина огромна в создании первого в мире социалистического государства, в его успехах во всех

сферах жизни. «Именно замысел, подготовка и осуществление этого плана грандиозных работ, на мой взгляд, дают Ленину и Сталину, в первую очередь, право на восхищение и признание не только со стороны их соотечественников, но и со стороны всего человечества».

Многонациональный конгломерат колоний готовился решать свои проблемы, в ряду которых национальный вопрос занимал особенно важное место. И естественно, что в статье первостепенное внимание уделялось национальному вопросу в СССР. «Тот факт, — писал Поль Блан, — что Сталин сумел объединить усилия разрозненных народов старой России, что он сумел увлечь их по пути, который привел к превращению чисто сельскохозяйственной и почти безграмотной страны в одну из наиболее индустриальных и культурных стран мира, является результатом силы воли человека, проницательность и уравновешенность которого равносильны его упорству».

В статье подчеркивалось, что Сталин был не только военным, но в первую очередь политическим, государственным руководителем СССР.

«Сталин, — говорилось в статье, — завоевал себе славу в глазах иностранцев благодаря своим военным достижениям. Гражданский вождь стал Главнокомандующим советской армией».

Есть, однако, еще одна область, отмечалось в статье, в которой Сталин возвышается до такой моральной высоты, «которой не достиг до него ни один полководец, даже Юлий Цезарь».

Речь идет об его умеренности во внешней политике. Несмотря на неслыханную жестокость немцев и их сателлитов, условия перемирия, предложенные финнам советским правительством, условия, предъявленные Румынии в момент ее капитуляции, остаются умеренными». Блан заключал свою статью следующими словами: «Сталин — строитель! Сталин — глава государства! Для всех тех, кто мечтает о человеческом братстве, этот Сталин представляется еще более великим, чем Сталин — маршал самой прославленной армии мира»⁶⁹.

Столь восторженный панегирик Сталину можно было бы расценить как своеобразный социальный заказ, целенаправленное восхваление личности Сталина, что было столь обычно для Советского Союза. Однако в искренности подобных выступлений сомневаться не приходится. Конец войны был триумфом Сталина как полководца, дипломата, политика. Статьи, подобные той, которая была написана Полем Бланом, только констатировали сложившееся положение вещей.

Обращает на себя внимание исключительно высокая оценка Полем Бланом заслуг Сталина в решении национального вопроса в СССР.

Очевидно, эта оценка была бы более сдержанной, если бы автор знал о выселении в годы войны в отдаленные районы СССР «репрессированных народов». Это было новое, позорное слово в национальной политике. Бесспорно, имели место многочисленные антисоветские, предательские акции со стороны представителей этих народов в годы войны, факты их сотрудничества с немецкими оккупантами. Однако никогда, ни в одной стране весь народ не несет ответственности за те или иные противоправные действия своих отдельных, пусть даже и многочисленных представителей.

Это то нововведение Сталина, которое записано черными буквами в пассив его политической и государственной деятельности.

Россия и другие страны СНГ и сегодня не могут прийти в себя от этой сталинской практики «решения» национального вопроса в СССР в годы войны.

В ходе любой большой войны, тем более мировой войны, национальные проблемы всегда занимают первостепенное место. И если рассматривать достижения Советского Союза в решении национального вопроса в целом, то надо отметить, что не случайно, особенно в колониальных и зависимых странах, эти достижения оценивались очень высоко и в них видели в годы войны образец для решения соответствующих проблем и в других странах.

Негативный опыт решения национального вопроса в СССР был малоизвестен за рубежом, а достижения в этой сфере связывались с именем Сталина. И не только потому, что все важные вопросы в Советском Союзе замыкались на него. Сталин был наркомом по делам национальностей в первом советском правительстве, и это был очень важный и ответственный пост с учетом многонационального состава России и той революционной перестройки национального вопроса в стране, которая началась сразу же после Октябрьской революции. Сталин внес важный практический и теоретический вклад в решение этого вопроса в СССР.

Высокая оценка в зарубежных странах роли Сталина в данной сфере была оправдана, так как к началу Великой Отечественной войны в этой области в СССР были достижения всемирно-исторического значения.

Сегодня в России и в других странах СНГ предается анафеме многое из того, что было сделано в нашей стране за годы советской власти, в том числе и в области решения национального вопроса.

В наши дни модно, и не только за рубежом, но и в России, в странах СНГ, называть Советский Союз империей. Известно, что империя предполагает наличие метрополии, которая эксплуатирует свои колонии, живет за их счет, имеет значительно более

высокий жизненный и культурный уровень по сравнению с другими частями империи.

Этого не было и не могло быть в СССР с учетом характера советского государства. За время существования этого государства бывшим колониальным окраинам России были созданы самые благоприятные условия для развития их экономики, науки, искусства, культуры. Основной вклад в решение этой задачи внесла РСФСР, русский народ. К слову сказать, об этом никто сегодня практически не вспоминает в странах СНГ, за исключением Белоруссии. Более того, все чаще и резче звучит критика в адрес Москвы, Центра и по вопросу национальной политики СССР. Воистину, ни одно благодеяние не остается безнаказанным, как отмечал великий поэт.

Успехи в области решения национального вопроса в СССР были очень велики, и не случайно, что в годы войны в зарубежных странах это с полным основанием расценивалось как одно из важнейших достижений Советского Союза, лично Сталина.

Приближавшееся окончание Второй мировой войны на ее главном фронте, в Европе, сопровождалось глубокими геополитическими сдвигами, которые охватывали не только Европейский континент. Менялось военно-политическое соотношение сил в мировом масштабе. Разумеется, новая геополитическая ситуация в мире должна была стать итогом всей мировой войны. Однако уже после открытия второго фронта развитие военно-политических событий приняло столь стремительный характер, что вскоре стала очевидна необходимость новой встречи Большой тройки для решения самых неотложных проблем межсоюзнических отношений в преддверии приближавшегося окончания войны.

19 декабря 1944 г. все важнейшие газеты США перепечатали статью патриарха американской журналистики Уолтера Липпмана, в которой детально аргументировалась необходимость новой встречи руководителей трех союзных держав — Рузвельта, Сталина, Черчилля. «В США и за рубежом, — писал Липпман, — ведутся многочисленные дискуссии по вопросу о необходимости еще одной встречи Сталина, Черчилля и Рузвельта». В статье отмечалось, что даже встреча Большой тройки не в состоянии разрешить возникшие «политические проблемы Европы». Липпман подчеркивал: «После Тегерана в Европе произошли коренные изменения. В Тегеране три державы, борющиеся за свободу, выработали стратегию этой борьбы. В настоящее время им необходимо договориться с освобожденными странами о том, как завершить войну. Это означает, что партнеры по Тегерану должны расширить свой круг, для того чтобы разрешить проблемы, порожденные нашими победами»⁷⁰.

Организовать такую встречу оказалось нелегко. Рузвельт уже был смертельно болен, и отправиться в столь далекий вояж для него было настоящей проблемой. На советско-германском фронте шли ожесточенные бои, и Сталину, как Главнокомандующему Красной Армией, было очень трудно найти время для встречи, которая обещала быть достаточно продолжительной.

Однако необходимость новой встречи Большой тройки была настолько настоятельной, что все ее участники, отложив самые важные дела, направились к согласованному месту встречи в Крыму.